

нальные «расследования» в духе новейшей французской «физиологии» оказались «занятыми», то пострел-ярославец и тут не замедлил предложить новехонький товар «с наилучшими политипажами»!

Прямым плодом «победы» поэта над собственным «идеализмом» стали и многочисленные в первой половине 1840-х годов «шуточные» драматические (свои и переводные) водевили, трагестийные рассказы и повести («Двадцать пять рублей», «Капитан Кук», «Несчастливец в любви...», «Помещик двадцати трех душ» и др.), иронические поэтические произведения (пародии, современные перелицовки авторитетных жанров и стилей предшествующих эпох, иронические «обыкновенные истории», язвительные «повести в стихах», сатирические обзоры). Да, «Музы, ласково поющей и прекрасной», недавний романтический «гений» уже не помнил над собою «песни сладкогласной», зато очень хорошо почувствовал, как рано над ним «отяготели узы другой, неласковой и нелюбимой Музы» («Муза», 1852).

Поразительно живучий российский «провинциал в столице»²³ пробивался, не щадя живота своего и упорно стремясь к избранной им для себя цели.²⁴ Вообще «хозяйственный расчет» (способы ведения альманахов и обоих журналов, редакторская и издательская политика, «приемы прикармливания» нужных людей — от авторов до цензоров и министров, общественная деятельность и реноме в кругах государственной элиты, тем более вопросы владения и оплаты труда) всегда будет входить в прожекты и достижения Некрасова на правах неперменной и необходимой составляющей.

В передаче Панаевой, жестоко хандря «с тех пор, как сделался капиталистом», Некрасов тем не менее заявлял: «Я не так глуп, чтобы не видеть перемены в отношении к себе людей, начиная с невежд, кончая образованными».²⁵ Уже имея в руках достаточные средства, поэт не считал нужным лицемерно отказывать себе в том, что было «добыто» им честным трудом, и играть пошлую в его глазах роль то ли идеалиста, филантропа-бессребренника, то ли юродивого — исключительно «из убеждений».

К середине 1850-х годов Некрасовым-журналистом был достигнут настоящий успех. У «Современника» сложился наконец свой авторский (и в том числе писательский) круг. Надежно и ритмично заработала издательская машина, был подобран постоянный штат добросовестных технических служащих. Отлаженный вид приобрели механизмы подписки и сети сбыта. Журнал стал постепенно выбираться из долгов. Упрочилось материальное положение его издателей.

Кем был Некрасов пятнадцать лет назад? Нищим поденщиком. И кем стал теперь! Он редактор столичного журнала, «поощритель талантов», член аристократического Английского клуба. Нынче ему действительно любой «умник позавидовать может». Отчего же, однако, не чувствует он в себе полного и законного удовлетворения успешностью своей жизненной карьеры? Отчего его душит тоска и ощущение «обманувшей» жизни?

²³ См. об этом нашу статью: Пайков Н. Н. Провинциал в столице, или Н. А. Некрасов как феномен отечественного и европейского культурного провинциализма // Русская провинция и мировая культура. Ярославль, 1998. С. 60—67.

²⁴ Трудно не заметить, что сквозной темой всей ранней прозы Некрасова было стремление (порой комическое или, наоборот, драматическое, но чаще всего неуспешное) его автобиографически маркированного молодого героя, «из образованных», но бедного, выбиться из своего униженного, нищенского, провинциального положения. Таковы его «Макар Осипович Случайный», «Без вести пропавший пиита», «Двадцать пять рублей», «Карета», «Несчастливец в любви...», «Опытная женщина», «Повесть о бедном Климе», «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», «Психологическая задача», «Три страны света», «Мертвое озеро», отчасти и другие прозаические и драматические произведения той же поры.

²⁵ Панаева (Головачева) А. Я. Указ. соч. С. 196.